

УДК 347+94(47+57)

Н.Н.Разуваева

Приватизация в России: национальные особенности

В статье на основе исторического и политологического подходов анализируются особенности, этапы и формы процесса приватизации собственности, проходившего в России в 90-е годы XX в. Проведенный автором анализ этого процесса вскрывает его противоречия и социальные последствия.

Ключевые слова: приватизация, особенности приватизации в России, формы приватизации, этапы приватизации, социальные последствия приватизации, ваучерная приватизация.

Российская приватизация (процесс перехода собственности от государства в частные руки) – это, без сомнения, важнейшее историческое событие 1990-х годов, кардинально изменившее общественные отношения в нашей стране в постсоветский период.

Хотя исследование этого явления представляет исключительную важность для российского обществознания, проблема остается пока совершенно не изученной. Чаще других эта тема затрагивалась в работах экономистов [1–8]. Получила она определенное освещение и в работах социологов и политологов (в основном изучалось отношение россиян к приватизации, социальный облик «новых капиталистов» и др.) [9; 10]. Что касается истории приватизации, ее хода и особенностей, то эта проблема затрагивалась в основном в историко-публицистических изданиях [11–13]. Научных публикаций на эту тему пока крайне мало.

Перед исследователем этой проблемы встают очень большие исторические трудности. Процесс передела огромной госсобственности проходил скрытно от общества, в основном через теневые механизмы. Ученые не располагают пока какой-либо полной, открытой информацией о ходе и итогах приватизации в разных отраслях российской экономики.

В нашем распоряжении имелись лишь некоторые законодательные акты по приватизации, указы президента по этим вопросам. Мы использовали некоторую опубликованную в нашей печати статистиче-

Разуваева Наталья Николаевна, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, проректор по внешним связям Академии ВЭГУ, г. Москва; конт. инф.: razuvaeva_n@vegu.ru

скую информацию об итогах приватизации в 1992–1999 гг., а также информацию по материалам проверок Счетной палаты РФ. Привлечены также работы мемуарного характера и материалы СМИ.

Проанализированные нами данные позволяют выделить некоторые важнейшие особенности проведения российской приватизации 1990-х годов.

Российская приватизация официально была провозглашена в 1992 г. Однако и до этого активно шла спонтанная, стихийная, малоконтролируемая приватизация госсобственности. Оценить ее объемы, писал А.Чубайс, было совершенно невозможно, потому что невозможно было отделить легальное от нелегального [14, с. 31].

Рассмотрим главные формы этой спонтанной приватизации.

В 1990–1991 гг. на месте распадавшихся союзных министерств и ведомств (всего в эти 2 года было ликвидировано 20 из них) стали создаваться государственно-монополистические структуры коммерческого типа (холдинги, ассоциации, концерны и др.). Высшие чиновники, руководители крупных ведомств, министры, заместители министров, руководители государственных отраслевых банков, госкомитетов, госснабов и других бывших крупных управленческих структур встали во главе вновь образованных холдингов и концернов. Именно таким образом возникли Газпром, ЛУКОЙЛ, Агрохим, Промстройбанк и десятки других мощнейших структур.

Одной из форм, в которых шла стихийная приватизация, было формирование крупных коммерческих структур за счет приватизированных средств, находившихся на счетах ликвидируемых структур КПСС и ВЛКСМ. Так называемая «партийно-комсомольская экономика» стала формироваться с 1990 г. По экспертным оценкам, около 10 % серьезных коммерческих структур были учреждены партийно-комсомольской номенклатурой [10, с. 81].

Большую роль в ходе стихийной приватизации 1990–1991 гг. играли директора крупных государственных предприятий. Большинство из них хотели стать полноценными хозяевами своего предприятия. Закон «О государственном предприятии (объединении)», принятый в 1987 г., и дал руководству полную коммерческую и экономическую самостоятельность. Все модели акционирования российских предприятий предоставляли директорскому корпусу и администрации льготные условия приобретения акций. Согласно данным ВЦИОМ, более $\frac{3}{4}$ директоров стали собственниками своих же предприятий, из них 6 % приобрели контрольные пакеты акций [15–17; 18, с. 26].

Официальная, «большая», приватизация была провозглашена в 1992 г.; 1992–1994 гг. стали этапом массовой, чековой (ваучерной), приватизации. В правовом отношении исходную базу провозглашенной приватизации должны были составлять два принятых летом и осенью 1991 г. закона – «О приватизации государственных и муниципальных учреждений в РСФСР» и «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР» [19]. Однако реальная практика приватизации отошла от этих законодательных актов и велась совсем по другим правилам. *Важнейшей характерной чертой российской приватизации была недостаточная юридическая чистота всего приватизационного процесса.*

Руководство Госкомимущества решило проводить приватизацию форсированно, по ускоренной программе. «Обогнать время – вот главная цель наших бдений над программой приватизации», – писал один из ее разработчиков П.Мостовой [14, с. 69]. Первые приватизационные документы ГКИ и «команда А.Чубайса» пробивали стремительно. «Документы готовились фантастически быстрыми темпами», – вспоминал А.Чубайс [14, с. 107]. Рассказывая о том, как удавалось тогда преодолевать противостояние министров-отраслевиков их требованиям учитывать специфику отраслей, А.Чубайс писал: «На наше счастье в тот период, в конце 1991 года, аппарат правительства был чрезвычайно слаб. Он как бы заново формировался из остатков старого республиканского и частично союзного Совминов. И справиться с ним тогда было куда легче, чем, скажем, год спустя. Позднее ... приватизационные решения приходилось пробивать куда с большим трудом» [14, с. 75].

Одним из главных препятствий на пути спешного проталкивания решений по приватизации была необходимость прохождения этих документов через высший законодательный орган страны – Верховный Совет РСФСР. Этот, как отмечал А.Чубайс, «законодательный нюанс» «крайне осложнял ситуацию». Для того чтобы уйти от обсуждения государственной программы приватизации в Комитетах и на сессии Верховного Совета, как этого требовал Закон «О приватизации...», был найден хитроумный ход. Программу назвали «Основными положениями...». А это уже позволяло обойти закон, обсуждать документ «узким кругом» (на президиуме Верховного Совета) и быстро готовить соответствующий указ президента.

Специфика тактики ГКИ и лично А.Чубайса при формировании законодательной базы приватизации состояла в том, чтобы максимально обойти высшие законодательные органы страны и форсиро-

ванно двигать приватизацию на основе указов Б.Ельцина, которые нигде не обсуждались и немедленно принимались к исполнению. Такая тактика использовалась не только в отношении Верховного Совета, но и в отношении следующего парламента, Государственной Думы РФ. «Мы торопились, – вспоминал А.Чубайс, – чтобы успеть до официального вступления в свои полномочия новой Госдумы. Успели едва-едва: за три часа до времени „Ч“» [14, с. 75]. По отзывам всех работавших с А.Чубайсом, он был прекрасным лоббистом и «всегда славился умением выбивать нужные решения у президента» [20, с. 109].

Появившиеся в обход высших законодательных органов власти первые документы создавали ситуацию недостаточной юридической чистоты всего приватизационного процесса. Особенно показательно в этом отношении было появление важнейшего Указа Б.Ельцина по приватизации от 14 августа 1992 г. № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации» [21].

В президентском Указе говорилось о чеках (ваучерах) как документах «на предъявителя». Такой вид приватизационного чека менял всю схему приватизации и характер перераспределения собственности. Свободный оборот ваучеров теперь ничем не ограничивался. Фактически Указ отменял принцип народной приватизации, провозглашенный в Законе, поскольку теперь отменялась возможность получения гражданином собственности в равных долях. Кроме того, Указ устранял условие, по которому владельцами именных приватизационных вкладов могли быть только граждане России. Теперь любой человек мог приобрести ваучеры (чеки) как товар, без какого-либо регулирования купли-продажи.

Характерной чертой проведения российской приватизации была монополия и фактическая бесконтрольность действий Госкомимущества и фондов имущества на местах. Реальная практика приватизации проходила не в соответствии с государственными программами, а по нормативным актам Госкомимущества. Кто и по какой цене приобретал государственную собственность, определялось исключительно распоряжениями, постановлениями и инструкциями Госкомимущества. При этом нормативные акты этого ведомства далеко не всегда, как отмечали эксперты, направлялись даже на регистрацию в Министерство юстиции России.

Проверки, проведенные Контрольно-бюджетным Комитетом при Верховном Совете Российской Федерации, а затем и Счетной палатой РФ [22, с. 63–68], свидетельствовали об очень большом юридическом произволе Госкомимущества. Так, по Программе приватизации,

утвержденной в 1992 г. высшим законодательным органом страны, предприятия оборонного значения подпадали под ограничения и могли быть приватизированы лишь отдельным решением Правительства РФ. Правительством были утверждены специальные списки оборонных предприятий, запрещенных к приватизации. Целый ряд ограничений по приватизации предприятий оборонного комплекса содержался и в Указе Б.Ельцина от 19 августа 1993 г. «Об особенностях приватизации и дополнительных мерах государственного регулирования деятельности оборонных отраслей промышленности» [23]. Однако приватизация предприятий оборонного комплекса шла по планам распродаж, которые Госкомимущество утвердило раньше. Реальная приватизация не учитывала ни Указ Президента, ни «запретные» списки Правительства РФ. Почти сразу после их появления Госкомимущество раскрепило пакеты акций из федеральной собственности по 78 оборонным предприятиям, означенным в списках, а еще по 22 – уменьшило их в размерах [22, с. 63].

Ситуация многочисленных нарушений Госкомимуществом законодательства и проведение приватизации по «своему» плану была зафиксирована Счетной палатой РФ в лесопромышленном комплексе страны [22, с. 183–199].

Изученные нами материалы дают основание утверждать, что компания управленцев, собранная в Госкомимуществе, фактически «приватизировала» принятие многих решений по приватизации и монополю проводила в жизнь «свою» концепцию разгосударствления экономики. Ни А.Чубайс, ни его коллеги в руководстве Госкомимущества не объясняли суть этой концепции широкой общественности, не обсуждали ее среди экономистов. Ход проведения приватизации практически не обсуждался на заседаниях Правительства РФ. А некоторые решения Госкомимущества прямо противоречили достигнутым в Правительстве договоренностям. Приватизация шла без какого-либо контроля со стороны общества, высшей представительной власти, независимых экспертных общественных организаций, специалистов в области экономики или права, средств массовой информации, трудовых коллективов, руководителей предприятий и т. д. В ходе ее проведения Госкомимуществом не была обеспечена необходимая открытость сделок, торгов, аукционов, правил и процедур их проведения.

В теневых сделках и механизмах приватизации самую активную роль играли региональные и местные комитеты и фонды Госкомимущества. Из всей суммы денег, перечисленной от приватизации в федеральный бюджет страны (5 млрд 545 млн долларов), государственные органы Госкомимущества получили за фактически посредническую

деятельность и поддержку линии руководства ГКИ 577,6 млн долларов (или более 10,4 %) [24]. А. Чубайс так писал об этом: «Конечно, председатели региональных комитетов стали нашими людьми также благодаря и той системе финансирования, которую нам удалось выстроить. Все это, безусловно, повышало статус комитетов имущества по сравнению с другими подразделениями местных администраций. И способствовало созданию некой общности людей, которую в чиновном мире скоро не без зависти окрестили „партией Госкомимущества“» [14, с. 116].

Важнейшей спецификой российской приватизации было то, что гигантская собственность продавалась по беспрецедентно низким для мировой практики приватизации ценам. Это подтверждает проведенный нами анализ опубликованных в печати сводных данных итогов приватизации в России за 1992–1999 гг., а также информации, собранной специальной Комиссией Государственной Думы РФ, работавшей по анализу итогов приватизации (1992–1996 гг.) с 9 февраля 1996 г. по 11 июня 1997 г.

11 июня 1997 г. вышло Постановление Госдумы РФ «О ходе приватизации в Российской Федерации и допущенных нарушениях законодательства Российской Федерации при ее осуществлении». Информация, собранная Комиссией, была опубликована депутатом В.А. Лисичкиным, членом этой Комиссии, одним из руководителей Комитета ГД РФ по собственности, приватизации и хозяйственной деятельности.

По данным, собранным Комиссией ГД РФ, 500 крупнейших предприятий России с оценочной рыночной стоимостью в 200 млрд долларов были проданы в ходе приватизации всего за 7,2 млрд долларов (или в 150 раз дешевле); 80 % этих предприятий были проданы на аукционах по цене менее 8 млн долларов каждое. Из 500 крупнейших российских заводов 324 были проданы по цене менее 4 млн долларов (цена одной средней хлебопекарни в Европе составляла, как отмечали эксперты, примерно 2 млн долларов). В том числе «Уралмаш» (34 тыс. рабочих) был продан за 3,72 млн долларов; Челябинский металлургический комбинат (35 тыс. рабочих) – за 3,73 млн долларов; Ковровский механический завод, обеспечивающий стрелковым оружием всю армию, МВД и спецслужбы (10,6 тыс. рабочих) – за 2,7 млн долларов; Челябинский тракторный завод (54,3 тыс. рабочих) – за 2,2 млн долларов и т. д. [25].

Можно приводить и другие многочисленные примеры. Останкинский мясокомбинат, который в 1990–1992 гг. закупил новейшее импортное оборудование для мясопереработки на сумму 35 млн дол-

ларов, был приватизирован за 3,1 млн долларов. По одинаковой цене (3 млн долларов) были проданы отель «Ольгино» в Петербурге, Северное морское пароходство (!) и Мурманский траловый флот (!) [26].

Анализ стоимости приватизированных объектов выявил парадоксальную картину. Одно рабочее место российских предприятий, производивших реальные товары и имевших огромную машино- и энергооснащенность, оценивалось мизерной стоимостью. В то же время предприятия сферы обслуживания с конторским оснащением имели стоимость одного рабочего места в десятки тысяч долларов.

Фантастическое завышение цен на рабочие места гостиниц, магазинов, редакций и т. д. и искусственное занижение цен на рабочие места флагманов российской промышленности было явно не случайным. По замыслу Госкомимущества это должно было стимулировать быструю скупку объектов российской промышленности.

Анализ итогов приватизации, который проводила Счетная палата РФ, и первые данные, озвученные ее председателем С.В.Степашиным в СМИ (в частности в передаче Центрального ТВ «Времена» 4 июля 2005 г.), также подтверждали факты искусственного занижения стоимости приватизируемой собственности [26]. С.В.Степашин, в частности, отмечал, что по всем проверенным Счетной палатой 40 крупнейшим предприятиям страны были выявлены серьезные нарушения условий приватизации: в основном при продажах предприятий оказалась резко заниженной стоимость их активов. В результате только за счет искусственного занижения цены активов государству был нанесен ущерб в 45 млрд рублей.

Беспрецедентно заниженная в ходе приватизации стоимость российских предприятий промышленности, строительства, транспорта, связи и других отраслей, составляющих реальный сектор экономики, особенно видна при сравнении результатов приватизации в России с результатами приватизации, проходившей в эти же годы в других странах мира (как богатых странах, так и бедных) [24].

Страны, в которых государственная собственность никогда не занимала главенствующего и преобладающего положения в экономике, получили от ее реализации по сравнению с Россией (с ее масштабно огосударствленной экономикой) огромные доходы. Так, Бразилия в 1990–1998 гг. получила от приватизации 66,7 млрд долларов, Великобритания – 66 млрд, Италия – 63,5 млрд, Франция – 48,5 млрд, Япония – 46,7 млрд, Австралия – 48 млрд долларов. Даже Венгрия, где государственная собственность была намного меньше российской, получила в эти годы от приватизации на 2,1 млрд долларов, или в 1,6 раза больше,

чем Россия. В России же из общей суммы в 9 млрд 250 млн долларов, полученных от приватизации, в бюджеты разных уровней было перечислено 7 млрд 628 млн долларов (82,5 %) [24].

Если же сравнивать показатели доходов, полученных от приватизации на душу населения в России и других странах, то разрыв выглядит просто ошеломляющим. В России от приватизации собственности на душу населения было получено всего 54,6 доллара, в то время как в Австралии – 2560,3 доллара, Португалии – 2108,6, Венгрии – 1252,8, в Италии и Великобритании – более чем по 1100 долларов на человека. То есть доходы от приватизации на душу населения в подавляющем большинстве стран в десятки раз превышали российские.

Подобный катастрофический экономический результат российской приватизации может быть объяснен только тем, что организаторы этого процесса не ставили задач получить достаточные материальные средства от приватизации в бюджет страны и использовать их для модернизации предприятий, отраслей и повышения эффективности управления. Во главу угла ставилось другое – политическая целесообразность и политические цели, прежде всего создание слоя частных собственников, которые могли бы стать опорой нового строя и нового политического режима.

Российская приватизация отличалась от приватизации в других странах тем, что огромная по масштабам государственная собственность была передана в частные руки за исключительно короткий по историческим меркам период. Целью приватизации, заявлял в 1994 г. А.Чубайс в телевизионной программе «Подробности», является построение капитализма в России, причем в несколько ударных лет, выполнив ту норму выработки, на которую у остального мира ушли столетия.

Мировая экономическая история, по мнению экспертов, просто не знала таких темпов приватизации, как в России. Специалисты отмечали, что превращение государственной собственности в частную – это чрезвычайно сложный и деликатный процесс. Успех его обеспечивается комплексом условий: правильной оценкой реальной стоимости предприятий; тщательной юридической проработкой и открытостью всех правил и процедур приватизации; созданием необходимой «инфраструктуры» приватизационных органов и многим другим. Классическим примером осторожной и подготовленной приватизации считается приватизация в Великобритании, где на приватизацию одного крупного предприятия уходило в среднем 6 лет [27; 28].

В России же массовая приватизация была проведена молниеносно, всего за два с половиной года, и без создания необходимых условий для того, чтобы она была качественной и успешной. К середине 1994 г. в стране было приватизировано около 70 % всех предприятий. Продажа Госкомимуществом крупнейших российских предприятий шла особенно стремительно. С января 1994 г. по 1 июля 1994 г. (то есть всего за 6 месяцев) было продано 284 крупнейших предприятия. При этом 12 самых крупных предприятия (с ценой более 37 млн долларов) были проданы в самом конце массовой приватизации, под занавес 1994 г.

Вставший во главе Госкомимущества после А.Чубайса Владимир Полеванов после двух недель работы в этой должности заказал анализ проведения приватизации в Восточной Европе и документы спецслужб о российской практике приватизации. То, что он увидел, поразило его. 18 января 1995 г. он написал большое открытое письмо председателю правительства В.Черномырдину. В нем В.Полеванов давал оценку приватизации 1992–1994 гг., анализировал ее негативные последствия и их причины. Выводы нового председателя Госкомимущества сводились к следующему. Хотя приватизация как процесс состоялась и основы рыночных структур созданы, многочисленные перекосы в процессе ее форсированного проведения существенно подорвали основы российской государственности, ослабили национальную безопасность страны. «Наблюдается, – писал В.Полеванов, – скрытая инвестиция иностранного капитала с целью подрыва обороноспособности и экономики страны для обеспечения принятой Западом стратегии „гарантированного технического отставания России“» [29, с. 8–17].

Отметим еще одну важнейшую отличительную черту процесса приватизации в России, заключающуюся в том, что механизмы, формы и способы ее осуществления с самого начала не были сориентированы на интересы широких слоев населения, несмотря на то, что именно такая цель декларировалась.

В соответствии с Указом Президента «О введении системы приватизационных чеков в Российской Федерации» все граждане имели право на получение одного чека (ваучера) стоимостью 10 тыс. руб. Выдача ваучеров проходила с октября 1992 г. по конец января 1993 г. Их массивная пропаганда привела к тому, что почти все граждане получили в отделениях Сбербанка «свои» ваучеры. К 31 января 1993 г. они были выданы почти 97 % населения России [8, с. 373]. В перспективе ваучер можно было обменять на акции предприятий и стать таким образом совладельцем общенародной собственности.

В СМИ велась широкая пропаганда того, что обмен ваучеров на акции предприятий лучше всего делать именно через чековые инвестиционные фонды, которых в целом по России было создано 646. Граждане стали сдавать туда свои ваучеры, особенно в активно рекламируемые финансовые компании, такие как Первый инвестиционный фонд, Лукойл-фонд, «Московская недвижимость», «Альфа-капитал», «Хопер-инвест», «Гермес», «Русский дом – Селенга», «Технический прогресс», «Торгово-финансовая корпорация Л.Е.Н.И.Н.», «Чара», «Тибет» и др. В ЧИФы ушло до 25 % всех ваучеров [14, с. 137].

Однако чековые инвестиционные фонды не оправдали надежд населения. Вскоре после того, как они приняли и поменяли на акции около 115 млн ваучеров, выяснилось, что никаких существенных доходов от приобретенных там акций граждане получить не смогут. Это было связано с тем, что в ЧИФах в основном были сосредоточены акции неприбыльных или мелких и средних предприятий.

Анализируя эту сторону ваучерной приватизации, председатель Госкомимущества В.Полеванов отмечал: «...С самого начала отсутствовала ясность в отношении того, какие государственные активы выделены для реализации за чеки... Чековая приватизация создала многочисленную массу «неимущих собственников», требующих защиты со стороны государства. Пребывание в их руках мелких и даже крупных пакетов акций низкоэффективных предприятий делает эти слои населения „неэффективным инвестором“» [29, с. 14].

Итоги ваучерного этапа приватизации показали, что из 646 ЧИФов только 136 в состоянии были по итогам деятельности во втором квартале 1994 г. начислить своим акционерам дивиденды [6, с. 9]. Чековые инвестиционные фонды оказались в плачевном состоянии. После завершения ваучерной приватизации многие инвестиционные фонды тихо и незаметно ушли с рынка, продав накопившиеся у них ваучеры. К середине 1996 г. было возбуждено 1022 уголовных дела по мошеннической деятельности многих из этих компаний (по одной только Москве – более 200 дел). Всего жертвами финансово-инвестиционных компаний стали, по данным Главного управления по экономическим преступлениям МВД России, свыше 20 млн граждан. Средства, присвоенные в результате ваучерных махинаций, составили, по экспертным оценкам, не менее 20 трлн рублей [30, с. 5].

«„Народная“ приватизация, – писал известный историк и публицист Рой Медведев, – привела к появлению в России 50 миллионов нищих акционеров. Она обогатила лишь 25–30 тысяч человек» [12, с. 182–183]. Выгоду от ваучеризации получили те группы граждан, которым уда-

лось за бесценок скупить у населения тысячи ваучеров и обменять их на акции предприятий. Впоследствии новые собственники и не скрывали этого. Характерно высказывание бизнесмена К. Бендукидзе, который приобрел за ваучеры крупнейший российский завод «Уралмаш»: «Для нас приватизация была манной небесной... Мы купили этот завод за тысячную долю его реальной стоимости» [31].

Подводя итоги, отметим, что в течение 1992–1994 гг. было приватизировано 135,6 тыс. государственных предприятий, 72,8 тыс. малых предприятий сферы торговли, общественного питания и услуг [29, с. 16]. Было роздано 148 млн ваучеров, из них 25 % было продано; 25 % ушли в чековые инвестиционные фонды; 50 % было вложено членами трудовых коллективов (и, как правило, их родственниками) в предприятия. Законную процедуру прямого обмена чеков на акции прошло 25 % чеков.

Сделаем некоторые выводы. Массовая приватизация привела к кардинальному изменению структуры собственности в России. По данным Госкомстата РФ, преобладающей формой собственности стала частная. На 1 января 1995 г. она составляла по удельному весу 62,5 %.

Ваучерная приватизация может рассматриваться как популистская мера, использовавшая традиционные советские представления людей «об общенародной собственности» и призванная на первых порах обеспечить поддержку курса на распределение государственной собственности. Практика проведения приватизации не создала реального массового слоя новых собственников. Армия новых постваучеризационных собственников состояла примерно из 40 млн акционеров. Но они оказались не реальными, а скорее формальными собственниками. Социально-экономический статус этих миллионов «неимущих акционеров» никак не менялся от владения несколькими акциями, поскольку дивидендов от такого владения собственностью они практически не получали. Их социальный статус определяется работой по найму.

Проводившуюся в эти годы «малую приватизацию» предприятий торговли, общественного питания, сферы услуг следует, по нашему мнению, рассматривать как достаточно периферийный маргинальный поток, в целом не меняющий общего социального вектора приватизационного процесса. При этом выделим приватизацию жилья в стране (к 1995 г. было приватизировано около 11 млн квартир). Она имела важное социально-экономическое значение.

В целом же ваучерная приватизация 1992–1994 гг. с точки зрения ее социальной значимости изолировала основную массу населения

от участия в распределении национального богатства, накопленного обществом. Приватизация не дала значимого экономического эффекта. Цели и сам процесс приватизации были политизированы. Доминировала политическая цель: форсированно создать слой собственников, чтобы сделать процесс перераспределения общественных благ в пользу узкого слоя населения необратимым. Эта политическая цель определила важнейшие особенности приватизации. Она была проведена молниеносно, в крайне сжатые сроки. Отсутствовала необходимая юридическая чистота приватизационного процесса. Государственная собственность уходила в частные руки по беспрецедентно низким ценам. Какой-либо системный контроль за структурами, проводившими приватизацию, контроль за сделками, правилами и процедурами приватизации отсутствовал. Очень часто приватизационные сделки носили нерыночный характер административного и экономического сговора. Но главная цель все же была достигнута. Институт частной собственности в России был восстановлен.

Список использованных источников

1. Барсуков С.Ю., Герчиков В.И. Приватизация и трудовые отношения. – Новосибирск, 1997.
2. Меньшиков С. Анатомия российского капитализма. – М., 2004.
3. Паппэ Я.Ш. Олигархи. Экономическая хроника 1992–2000 гг. – М., 2000.
4. Приватизация в России и других странах СНГ. – М., 2003.
5. Приватизация: социальные последствия / ИМЭМО РАН. – М., 1995.
6. Собственность в экономической системе России / Под ред. В.Н.Черновца, В.Н.Кулькова. – М., 1998.
7. Соколин Б. Кризисная экономика России: рубеж тысячелетий. – СПб., 1997.
8. Тимошина Т.М. Экономическая история России. – М., 2002.
9. Левашов В.К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях неолиберальных трансформаций // СОЦИС. – 2004. – № 7.
10. Перегудов С., Лапина Н., Семенко И. Группы интересов и российское государство. – М., 1999.

11. Бунич А. Осень олигархов. История приватизации и будущее России. – М., 2005.
12. Медведев Р. Капитализм в России. – М., 1998.
13. Рубби А. Ельциниада. Первое десятилетие постсоветской России. – М., 2004.
14. Приватизация по-российски / Под ред. А.Чубайса. – М., 1999.
15. Бизнесмены России. 40 историй успеха. – М., 1994.
16. Горячев М. Красный директор меняет цвет // Московские новости. – 1992. – 25 января (№ 4).
17. Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. – М., 1998.
18. Общественные науки и современность. – 1995. – № 1.
19. Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 27.
20. Федоров Б. Десять безумных лет. – М., 1999.
21. Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1992. – № 8. – Ст. 501.
22. Хохлов О. Приватизация России. – М., 2005.
23. Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 37.
24. Статистические данные об итогах приватизации в России, 1992–1999 гг. // Независимая газета (НГ – Политэкономия). – 2001. – 17 апреля.
25. Данные Комиссии Государственной Думы РФ по анализу итогов приватизации в 1992–1996 гг. // Лисичкин В.А. Черная приватизация. – М., 1997.
26. Счетная палата РФ: исследование и анализ приватизации // Советская Россия. – 1996. – 11 апреля; 1997. – 4 марта.
27. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. – М., 1994.
28. Британский опыт приватизации в России. – М.; Лондон, 1992.
29. Полеванов В. Технология великого обмана. – М., 1995.
30. Независимая газета (НГ – Политэкономия). – 1998. – № 5.
31. Советская Россия. – 1997. – 4 марта.